

СВЯТЫЕ МЕСТА

ДИВБЕЕВО

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ
ОБЕТОВАННАЯ

ЛЕОНИД БЕЖИН

Святые места

Леонид Бежин

**Дивеево. Русская
земля обетованная**

«Алисторус»

2014

Бежин Л. Е.

Дивеево. Русская земля обетованная / Л. Е. Бежин —
«Алисторус», 2014 — (Святые места)

Дивеевская обитель в Нижегородской области под Арзамасом – одна из главных святынь для русских, куда совершаются благочестивые паломничества тысяч и тысяч людей. Дивеево избрала в Свой четвертый удел на земле Богородица, в Троицком соборе монастыря находится рака с мощами преподобного Серафима Саровского, чьими молитвенными трудами была создана здесь обитель. В годы гонений на церковь Дивеевский монастырь разделил печальную участь поруганных православных святынь: он был закрыт. Судьба Дивеево – в книге известного московского писателя Леонида Бежина.

© Бежин Л. Е., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Часть I. Два чуда	6
Глава первая. Осиянный неждешней радостью	6
Глава вторая. Машнины	9
Глава третья. В столярне	13
Глава четвертая. Небесный лучик	16
Глава пятая. Детство Прохора в Курске: взгляд историка	20
Глава шестая. Незримые покровители	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Леонид Бежин
Дивеево. Русская земля обетованная
© Бежин Л.Е., 2014

Часть I. Два чуда

Глава первая. Осиянный нездешней радостью

Способны ли мы до конца осознать, что такое Серафим для России? «И когда на другой день понесли вокруг церкви гробницу святого Серафима, и полетели над толпой к этой гробнице перебрасываемые холсты и представились мне руки, сеявшие и дергавшие лен по всей России, и прявшие и ткавшие его по темным избам по всей России, и глаза, не знавшие иной надежды сквозь слезы бабьей доли, – то поняла я, что такое Серафим для всей России». Так пишет Маргарита Сабашникова в своей книге о преподобном: вот ей приоткрылось... и она поняла... И все-таки вопрос остается, – во всяком случае, для нас. Да, мы чтим преподобного Серафима, мы совершаем к нему благочестивые паломничества, прикладываемся к мощам, вновь обретенным в 1991 году, просим о помощи и заступничестве, но – осознаем ли? Именно мы, живущие в XXI столетии, ведь нас отделяет от него почти два века? И отделяет, и отдаляет, и в этом мы уступаем тем, кто был ближе, внимал народной молве о подвигах старца, возможно ездил к нему за советом, терпеливо дожидаясь у кельи его выхода, просил об исцелении или даже пользовался доверительным расположением, как верный служка Мотовилов.

Так, может, они, ближние, по-настоящему осознавали?

Нет, они благоговели, дивились, изумлялись, страшились совершаемых им чудес и заворуженно внимали предсказаниям, но осознание все же дано нам, *дальним*, свидетелям того, как сбылось. Сбылось многое из предсказанного преподобным, воплотилось, приобрело рельефные очертания – Крымская война, октябрьский переворот, гонения на церковь, Гулаг, страдания и мучения миллионов узников. Да и о чудесах-то в полной мере узнали уже после смерти Серафима, поскольку при жизни он о многом заповедовал не разглашать, молчать до поры до времени.

И как Богоматерь ему являлась, и как на камне тысячу один день и тысячу одну ночь молился, как медведя кормил – после, после...

Таким образом, мы – дальние, и у нас – перспектива. Мы словно бы стоим на вершине горы, и перед нами, как облака, проплывает минувшее: месяцы, годы, столетия. Но, в то же время, как не позавидовать белой завистью тем, кто был рядом с преподобным Серафима, слышал голос, чувствовал прикосновение благословляющей руки, получал в подарок сухарики или частицы просфоры! Это, пожалуй, в чем-то дороже перспективы, теплее, интимнее, одухотвореннее, и этого нам будет отчаянно не хватать. Поэтому взамен мы должны попытаться воссоздать утраченный земной образ преподобного Серафима, чтобы дивный старец возник перед нами как живой со всеми его излюбленными словечками, прибаутками, движениями, жестами.

Серафим и такой – сохранился.

Сохранился во многом благодаря прекрасной русской книге – «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», написанной священномучеником Серафима Чичаговым. В нее включены живые свидетельства, простые, бесхитростные, со всеми особенностями устной речи рассказы тех, кто лично знал старца, – подлинные сокровища, жемчуг духовный, как говаривали когда-то. И нам остается лишь выбрать самое живое и характерное.

Но что же, что же выбрать, чтобы сразу возник образ? Может быть, Серафимовы приветствия – «Радость моя!», «Сокровище мое!» или «Ваше Боголюбие!» – с коими встречал он всех своих гостей? Да, пожалуй, тут мы сразу слышим голос Серафима, как и в многочисленных свидетельствах о нем тех, кто бывал у него со своими просьбами, жалобами, надеждами: «Я все плакала, да и пошла к батюшке Серафиму; все ему рассказала. Сама плачу, стою перед

ним на коленях. А он смеется, да так ручками и сшибается (т. е. хлопает рука об руку» (рассказ старицы Варвары Ильиничны).

Сшибается ручками – какой точно подмеченный жест, какая выразительная деталь! Но, может, лучше всего обрисован Серафим в рассказе дивеевской сестры Капитолины: «А как батюшка-то любил нас, просто ужас да и только, и рассказать-то уж я не умею. Бывало, придешь это к нему, а я, знаешь, всегда эдакая суровая, серьезная была, ну, вот и приду, а он уставится на меня, да и скажет: «Что ж это, матушка, к кому это ты пришла-то?» – «К вам, батюшка», – отвечу я. «Ко мне, – скажет он, – да и стоишь, как чужая, ко мне-то, к отцу, что ты, что ты, матушка!» – «Да как же, батюшка, – бывало скажу я, как же». – «А ты приди, да обними, да поцелуй меня, да не один, а десять раз поцелуй-то, матушка!» – ответит он. Бывало и скажешь: «Ах, да как же это, батюшка, да разве я смею!» – «Да как же не смеешь-то; ведь не к чужому,

ко мне пришла, радость моя, эдак к родному не ходят, да где бы это ни было, да при ком бы ни было, хотя бы тысяча тут была, должна придти и поцеловать, а то, что стоишь, как чужая!»

Ну, не подлинное ли чудо этот рассказ?! Мы словно заглянули в окошко Саровской кельи и увидели двоих: одна суровая и серьезная, наверное и губы поджаты, и брови сдвинуты, будто и впрямь чужая, а другой – весь сияет, лучится, сама доброта и отцовская любовь. Десять раз его поцеловать, ведь он родной, роднее не бывает! Такой рассказ не придумать, не сочинить – только наспех записать, чтобы ни словечка не пропало. Да, пожалуй, как нигде мы видим здесь, распознаем, угадываем живого Серафима.

И все же, все же... Пожалуй, для меня Серафим – в одной фразе, встречающейся у многих рассказчиков, повторяемой как рефрен, поэтому я и приведу ее не по одному конкретному месту из «Летописи», а обобщенно. Батюшке Серафиму была свойственна особого рода восторженность. Восторженность сродни той, с которой библейский царь Давид плясал перед ковчегом. Вот и Серафим... нет, не плясал, но, как передают о нем: «Во, во, матушка! Так и будет! – повторял Серафим, скача от восторга».

Скакал от восторга, сияющий нездешней радостью. Поистине в этом весь Серафим.

Глава вторая. Машнины

И жили рядом с храмом, и думали только о нем, и так хотелось в будущее заглянуть, хотя бы одним глазком высмотреть, каким он будет, когда, наконец, достроят.

Вот об этом-то и без конца спрашивали, пытали друг друга, особенно дети – те аж заходились от жгучего любопытства, от азартных своих фантазий. Заберутся на печку, подбородок в острые кулачки упрут и ну расписывать. Чего им только ни чудилось, ни блазнилось. Хотя что спрашивать-то, если ответ заранее известен (так рассуждали старшие). А таким наверняка и будет, каким изобразил его на рисунках и чертежах столичный архитектор, важный господин с голым черепом, обтянутым морщинистой кожей, сырым, помятым лицом и неестественно большим расстоянием от носа до тонких, по-бабьи поджатых губ – один из учеников знаменитого Растрелли, которому заказали проект. Исидор Иванович сам ездил заказывать, долго разыскивал дом на Невском проспекте, стучал в дверь с медной табличкой. И, смущенно покашливая в кулак, разглаживая бороду, от имени всех горожан просил уважить, постараться, чтобы храм был не хуже столичных (столичным-то уже успел надивиться, задирая голову, – только шапку держи, чтоб не упала). Пообещал, что в долгу не останутся, сунул руку за пазуху и выложил на подзеркальник пухлый, перевязанный бечевкой конверт:

– Извольте, не побрезгайте – авансец.

И снова смущенно кашлянул, даже слегка зарделся.

– Деньгами не брезгаем. Напротив даже. – Ловким щелчком господин отправил конверт в выдвижной ящик подзеркальника. Отправил и непринужденно задвинул: – Благодарим-с. – Из вежливости счел нужным осведомиться: – Как вам Петербург?

Гостю оставалось лишь развести руками в немом изумлении перед Петербургом и произнести сакраментальное:

– Столица!

Тот осклабился в любезной улыбке.

Через месяц принимали архитектора у себя в Курске. Водили, показывали место, под постройку отведенное, благо вот оно, рядом, в двух шагах от дома. Он осматривал, вымеривал шагами, что-то черкал в записную книжку, соображал. Потом удовлетворенно карандашом по обложке постукивал, на солнце рассеянно жмурился, что-то напевал: расчеты завершены, кончена работа.

– Пожалуйте отобедать. На воздухе-то, чай, проголодались?

– Что ж, охотно.

Попотчевали его курником, поросенком с гречневой кашей, заливным из осетрины, водками и наливками: все-таки столичный фрукт, надо уважить.

Довольный уехал, попросив три месяца сроку, и в положенное время прислал курьера с готовым проектом. Если их разложить, эти чертежи и рисунки, всмотреться в них, то будущий храм словно сойдет с бумаги и повиснет в воздухе, сотканный из струйчатых переливов: легкий, изящный и то же время исполненный державной мощи, с восьмискатным куполом, синяя глава, усыпанная золотыми звездами, на четырехсветном фонаре, стройная трехъярусная колокольня. А изнутри украсят росписями, царские врата позолотят, иконы в резных окладах повесят. Ох, и красив будет храм – из всех курских-то самый красивый, пышный и величественный. Как запыхают жарко свечи, польется с колокольни тихий благовест, воскурят ладан в паникадилах, душа и возрадуется, возликует и к горним высям воспарит...

Конечно же, и все разговоры в семье Машинных были о храме.

Вот наступало время обеда, все собирались к столу, звали из дальней комнаты бабушку Феодосию Наумовну, мать Исидора Ивановича, согбенную, иссохшую, с лицом цвета печеного яблока, но ясную умом и глаза ястребиные, зоркие, все примечают. Встречали ее у порога,

придерживая под руки, помогали дойти до стола, усаживали в глубокое кресло, укутывали ноги пуховой шалью (если хворала, посылали ей обед с прислугой). Перекрестившись на темные лики икон, покрытых белоснежными рушниками, сами чинно садились за стол; Исидор Иванович наставительно кивал старшей:

– Читай.

Параскева, выпрямившись, оправив на плечах малиновое платье с оборками, перекинув на грудь иссиня-черную косу, прочитывала вслух «Отче наш», после чего все снова крестились и дружно брались за ложки. Но, не успев зачерпнуть из тарелки, Исидор Иванович мнительно прислушивался к стуку молотков за окнами, досадливо морщился, словно над ним назойливо зудела злая муха, и с сомнением покачивал чубатой головой:

– Ох, боюсь, перекосят шельмы. Снова не по отвесу прибьют. Не раз уж такое бывало.

И – за всем догляд нужен – порывался выбежать, проследить и если что – отчитать за нерадивость, дать хорошую выволочку.

Агафья Фотиевна его мягко останавливала:

– Да ты поешь. Остынет.

Но сама не выдерживала и, тихонько выскользнув за дверь, смотрела, как прибивают, и, лишь убедившись, что муж опасается понапрасну, никакого перекоса нет, все по отвесу, возвращалась на место. Он, глядя на нее, понемногу тоже успокаивался, прояснялся, мягчел.

Дальше мирно обедали, тихонько говорили о подводах с кирпичом, о настилке полов, о резных наличниках для окон, кровельном железе и сусальном золоте. И дети чутко ловили каждое слово – только бы не пропустить что-то важное, а затем, после обеда тоже шушукались в уголке, обсуждали.

Сергиево-Казанский кафедральный собор в Курске возводился стараниями курского купца Исидора Машина – отца будущего преподобного Серафима Саровского

– Подвода одна застряла, слышали? Ось-то сломалась, и она набок завалилась. Но кирпичи целы...

– Слышали, слышали. Кучер сплоховал. Может, пьяный был.

– Пьяницу батюшка держать бы не стало. На солнышке кучер перегрелся – вот в глазах-то и потемнело, повело. Или заснул...

– Днем-то спать...

– Но! Заснешь, если до этого всю ночь напролет работал по батюшкину приказу.

Детей у Машинных трое: помимо самой старшей из всех Параскевы еще средний по возрасту сын Алексей и младший Прохор. Братья похожи на отца, рослые, крепкие, как боровики, русоволосые, с прямыми носами, глаза словно синькой тронуты, хотя у Прохора – больше в голубизну. Да, такие глаза, словно отражение весеннего неба в них застыло. А Параскева – в мать: темненькая, зеленоглазая, с толстой косой вдоль спины и пушистыми ресницами. Она за братьями смотрит, о них заботится, учит уму-разуму. Псалтырь с ними читает, раз у отца и матери не всегда выпадает на то лишний часок. Исидор Иванович и Агафья Фотиевна хоть и любят детей, но порою кажется, что самое любимое, дорогое сердцу чадо для них – храм, посвященный преподобному Сергию Радонежскому, который они вот уже который год кропотливо, усердно возводят...

Старый деревянный недавно сгорел – весь, без остатка, лишь чудом сохранилась от огня икона Казанской Божьей Матери. Среди головешек и тлеющих углей – цела-невредима. Значит, сама Богородица велела назвать будущий храм Сергиево-Казанским и отстроить его на славу, всем на удивление. Вот и тянулись, поскрипывая, подводы с кирпичом, стучали топоры, сыпали свежими опилками пилы: поднимался храм стараниями Исидора Ивановича, самими горожанами поставленного во главе святого дела, и его верной супруги.

Он-то с чертежами все и сверял и ни малейшего упущения не спускал, артель свою держал круто. Деньги же на храм – от щедрот своих – пожертвовал почетный горожанин Карп Ефремович Первышев. Да, именно он, во всем аккуратный, прилежный, основательный, с закрывающими лысину редкими прядями и надушенными носовыми клетчатыми платками (уголки украшены вышитой монограммой). И другие достойные люди добавили, как пустили шапку по кругу. Чин освящения места закладки будущего храма совершал святитель Белгородский Иоасаф – с зычным голосом, острым кадыком и развевающейся по ветру моисеевой бородой.

Словом, Богородица велела, Карп Ефремович пожертвовал, Иоасаф освятил – не подкачайте, Исидор и Агафья!..

Глава третья. В столярне

Июньский полдень, все сомлело, истомилось от небывалой жары; пылающее солнце в лилово-сиреневом мареве зноя, ни тенька. Лишь иногда повеет – ветерком не ветерком, а накатит теплыми воздушными волнами, словно паром от вскипевшего молока. И то кажется, будто чуток полегчало, посвежело... Наверное, будет гроза.

– Проша, спустись-ка в ледник, зачерпни кваску холодненького ковшик да снеси отцу. Жара-то какая! Уф, и я-то запарилась! Не расплескай только.

Агафья Фотиевна со двора заглядывает в открытое окно дома, положив загорелые локти на беленый подоконник. И, пока глаза после яркого солнца привыкают к сумраку, в глубине комнаты едва различает фигурку сына, который сидит за столом с книгой, подложив под себя ногу, уж утомился, наверное (и нога затекла): третий час, не разгибаясь. До ученья на редкость охоч, как иные до игр и гулянья. Все это хорошо, конечно, но лишь бы здоров был, не хворал – об этом ее неусыпная материнская забота.

Поэтому тайный замысел ее таков: пусть и отца кваском порадует, и сам разомнется, на солнышке хотя бы чуток побудет, по травке босиком походит, воздухом свежим подышит.

– Хорошо, матушка. Сейчас. Только страничку дочитаю, всего одна осталась...

– Ну, если одна, дочитай, сынок... только не более. Не зачитывайся так, ладно?

– Обещаю, матушка. Не буду.

Дочитав положенную страницу, Прохор послушно закрывает Апостола (по Апостолу учится грамоте у приходского дьячка, подслеповатого, вечно сонного, с редкой рыжей бородкой) и встает из-за стола. Вот он уже на крыльце: наполовину в тени от навеса, наполовину выхвачен солнцем, русые волосы кажутся белей белого, аж глаза слепит. Вот откидывает крышку ледника (слышен скрип несмазанных петель), спускается по приставной лестнице вниз, снова исчезая в темноте, и с ковшом, наполненным квасом, поднимается вверх. Слишком много зачерпнул – чтобы не расплескалось, приходится самому немного отпить. Сладок квас, с изюминкой, и холодный со льда – аж зубы ломит.

Теперь стоит лишь толкнуть низенькую калитку, и он на стройке. Несмотря на жару и палящее солнце, работа споро движется, ладится, кипит. Голые по пояс, взмокшие мужики, натужно выгнув спину, откинувшись назад, носят «козы» с кирпичами, в воздухе висит белая пыль от тесаного камня и носится тополиный пух. Машут хвостами запряженные в подводы битюги, отгоняя слепней и оводов, а уж те кровопийцы – кружат, липнут и молниеносно жалят. Загорелые до черноты землекопы – что твои арапы, хоть и крещенные – размечают яму для отливки первого колокола, прикидывают на глаз, вбивают колышки.

И тут же кудахчут шальные куры, забежавшие со скотного двора, стреноженная лошадь щиплет траву у забора, пчелы кружатся над алыми головками цветов. И рыжий пес Полкан с глухим грохотом волочит цепь по дощатому полу своей будки, все никак не уляжется, язык свисает, жарко и ему, бедолаге...

И в этой толчее Прохору не сразу удастся отыскать отца. Смотрит по сторонам, подолом рубашки закрывая и от солнца, и от пыли ковшик с квасом. Вот он, отец, среди мастеровых, тыльной стороной ладони, откинув чуб, вытирает пот со лба и лица, отдает распоряжения, с кем-то спорит, что-то свое доказывает, сердится.

– Батюшка, я вам попить принес. Вот квас холодный, из погреба... – Прохор протягивает ему ковшик.

Отец доволен.

– Ах ты, мой хороший, мой славный! Вот спасибо-то! Угодил! – Отпив немного и утерев губы, Исидор Иванович передает ковш стоящим рядом мастеровым.

Те тоже пьют и чинно, с достоинством благодарят.

– Вот уж уважил, так уважил. И тебе спасибо, и матушке от нас поклонись.

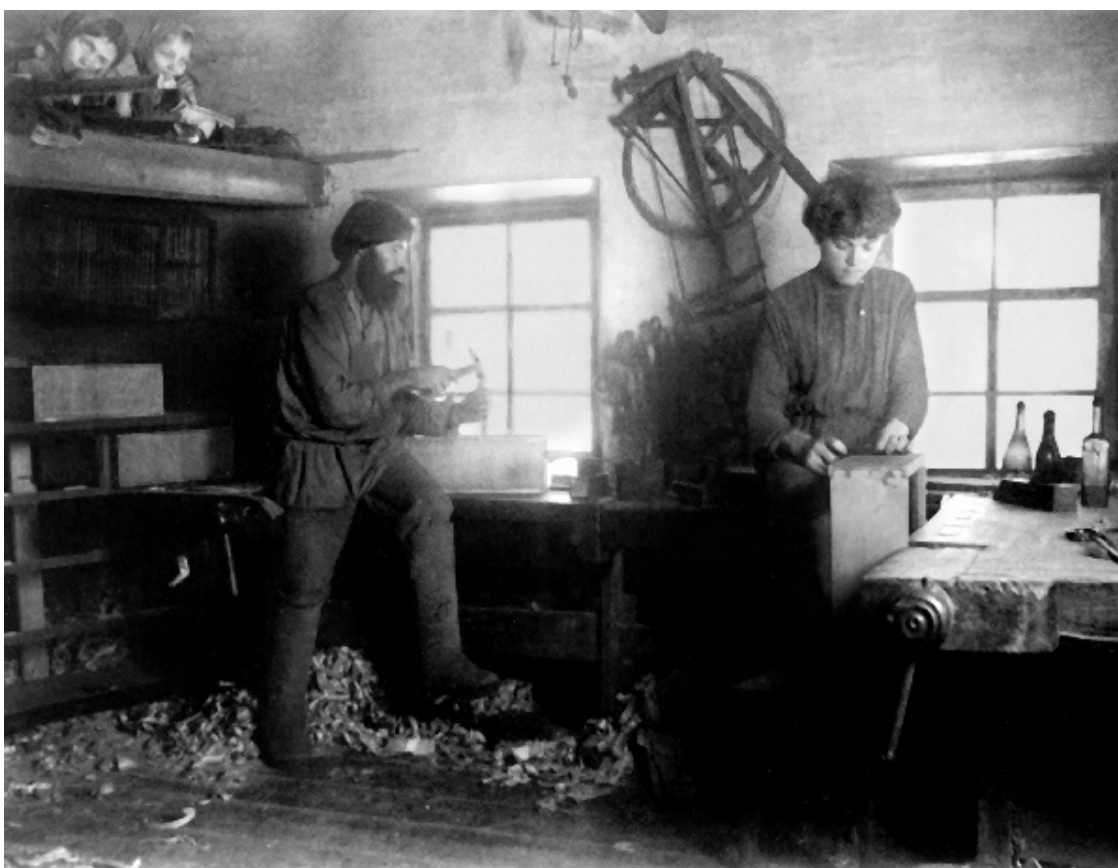
Возвращают ему ковшик, но Прохору уже не хочется уходить со стройки, тем более что и брат его Алексей тоже здесь. Он тянет Прохора за руку в нижний придел – посмотреть, как белят стены под будущую роспись. Там на лесах Параскева, обмотав вокруг головы и забрав под платок косу, ловко орудует то кистью, то мастерком. Помогает малярам, и видно, что гордится собой. Довольна, что получается. Только в окно посматривает: кажется, сверкнуло, к грозе, уж очень парит с утра...

Затем Прохор и Алексей – в столярне, где пахнет свежими стружками, сметенными под верстак, весь пол усыпан мягкими желтыми опилками. На верстаке – два новеньких заморских рубанка, молоток, топорик и пила. В банке – застывший клей с увязшей одним крылышком мухой. Мутное оконце сверху затянуто паутиной, и в паутине – высохшая золотистая, с черными ободками по тельцу оса.

Прохора тянет к столярным инструментам, он любит бывать у вихрастого, по-цыгански смуглого, со шнурком на лбу и карандашиком за ухом столяра Наумки, который учит его строгать, пилить, забивать гвозди с двух ударов по самую шляпку, но усерднее всего – работать топориком. Наумка на это мастер, и призванный, и признанный: во всей округе один такой. Про него говорят, что одним топориком дом целиком срубит – со стульями, лавками и всею утварью. К тому же он шутник и весельчак, охотник побалагурить. Прохора, хозяйского сына, важную птицу, как всегда приветствует словами:

– Вот и Прохор-апостол к нам пожаловал! Нижайшее ему от нас почтение.

И отвечает поклон.

В столярной мастерской

Алексей за младшего брата привычно вступается, возражает.

– Он не апостол. Тоже мне! Его в честь апостола Прохора лишь нарекли по святцам...

– Раз нарекли, то не зря. Со смыслом. Значит, сам в апостолы выбьется.

– Какие же сейчас апостолы!.. Это когда ж было!..

– А такие, – не унимается Наумка, – что среди столяров он будет апостол, а среди апостолов – столяр.

Вдалеке невнятно, глухо ворчит гром, и край неба постепенно мутнеет, темнеет, из голубого становится иссиня-черным (как коса у Параскевы), с оловянным отливом. Наумка смеется своей излюбленной шутке про апостола, показывая ровные, крепкие зубы (только один щербатый: на спор проволоку перекусывал и сломал); и Алексей с Прохором тоже улыбаются. Им беспричинно весело и так несказанно хорошо, светло и радостно от мысли, что будет гроза и после нее посвежеет, станет прохладнее, что есть Наумка с его топориком и вечными шутками, есть эта пропахшая стружкой столярня и есть храм, который с каждым днем все выше поднимается к небу.

Глава четвертая. Небесный лучик

В доме Машниных бывает самый разный народ, и гостям здесь всегда рады. Рады и званым, по особому, торжественному случаю (крестины или именины) приглашенным, и тем, кто хоть и не зван, но сам, бывает, заглянет, как из-под земли выскочит и гостем назовется. Так соседи иной раз по нужде, по надобности, с просьбой какой в окошко постучат – и Марфа, жена кузнеца, и Акулина, вдова солдатская, и старуха Макарьевна, грибница и ягодница, вечно с туеском или лукошком, комарами покусанная, кончики пальцев от раздавленной брусники все синие. По надобности, с просьбой, но предложишь чаю – никто не откажется, выпьют по чашке, еще нальют, а потом добавят, так, что в жар бросит, упарятся, ворот расстегнут и полотенцем лицо утрут.

И за разговорами просидят часок-другой: время пролетит – и не заметишь. И хотя хозяевам вечно недосуг, дел невпроворот, заботы одолевают, никогда искоса на ходики не посмотрят, не кашлянут, намекая, что засиделись, не кольнут досадливым взглядом, не обидят молчаливым укором.

Потому и славятся своим радушием и хлебосольством, потому и тянутся к ним люди...

Кроме соседей по слободке батюшки из приходской Ильинской церкви – частые гости Машниных. Охотно навещают их, особенно по двенадцатым праздникам или после воскресной обедни, поздравляют, благословляют, на Пасху, разгладив бороды, христосуются, и их тоже без чая (а то и вишневую наливку в граненой бутылки из буфета выставишь), без угощения и без степенной беседы не отпустишь. Так же странников с посохами и заплечными котомками, паломников, нищих скитальцев, калик перехожих, на которых издавна так щедра Русь, Машнины всегда принимают. Святое дело! По обычаю благочестивых купеческих семейств даже угол для них выделили со столиком, лавкой и иконкой: утрудились от дальней дороги – вот пускай и отдохнут, сил наберутся, и о святых местах, глухих монастырях, чудотворных иконах на сон грядущий хозяевам поведают. Да и так поведают, что детей соберешь, рядом посадишь, к себе прижмешь и заслушаешься. Любят у Машниных такие рассказы: от них на душе отрада и так манит вольный простор, что впору самому брать посох и отправляться в дорогу.

В Лавру – к Сергию, в Киев – к Антонию и Феодосию, а то и на Соловки – к Зосиме и Савватию.

Брат Исидора Ивановича Антон с женой Варварой запросто, по-родственному к Машниным заходят – либо одни, либо с сыном своим Петром, чуть постарше Прохора, побойчее, порасторопнее. И, поскольку апостол Прохор, как о том в календаре церковном писано, всегда апостолу Петру служил и помогал, то и Прохор у Петра – в добровольных помощниках, слушается, а тот верховодит. Алексей же, похоже, ревнует и букой на обоих смотрит (но об этом взрослые тихонько, промеж себя шепчутся, чтобы до детей не доносилось).

Да и всякий прочий люд к Машниным навевывается, в двери стучится, по горницам толчется: степенные мастера-строители и просто жилистые работяги, заезжие купцы, предлагающие свой товар, – болты крепезные, скобы, изразцы, доски. Приказчики с заводов хоть сейчас телегу нужного товара пригонят, сами разгрузят и задешево отдадут. И Машнины на каждого находят время, чтобы протолковать, сговориться о важном деле или отказать в чем-либо, но уважительно, с лаской – так, чтобы обиды не оставалось.

– И рады бы, но уж не обессудьте. Видит Бог, сейчас никак не можем. Но при первом же удобном случае – вам первому, по полной мере, с лихвой отсыпем, не сомневайтесь.

– Да уж какие сомнения, увольте! А то мы вас не знаем! Не раз выручали.

– Вот и дайте срок – снова выручим. За нами не станет.

Все им любы, и им от всех уважение, и прежде всего за груды их праведные по возведению храма. Каждый видит, что себя не берегут, стараются так, что невольно скажешь: не зря их

куряне избрали, они – достойны. Исидор Иванович в Курске человек известный – и по купеческому званию своему, и по достатку (владеет кирпичными заводами), и по той основательности, безупречной честности, верности слову, с которой берется за любое дело. Смело заключай с ним сделку – не подведет. Чужого в карман не положит, но и своего даром не отдаст: все должно быть честно, по совести, по справедливости.

Усердный прихожанин – воскресной обедни не пропустит, на общую свечу пожертвует. Нищему, не скупясь, подаст, кошелек развяжет, да и дома весь угол в образах, и лампы у ликов теплятся – что твоя церковь. На службе хору подпевает, иной раз строго нахмурится, если рядом перешептываются, шушукаются (вот праздные языки!), а иной – как истинный ценитель красоты, благолепия церковного в сердечном умилении смахнет с глаз слезу.

Поэтому охотнее всего Исидор Машнин берет подряды на постройку храмов. У него и опыт, сноровка в этом деле, и душа к нему льнет, а без души камень на камень не положишь (если и положишь, то недолго удержится).

Агафью Фотиевну тоже в Курске хорошо знали и за набожность ее, радение о церкви, и за попечение о девушках-сиротах. Их Агафья Фотиевна растила, учила грамоте и рукоделию, в строгости воспитывала, а затем, обеспечив им приданое, выдавала замуж. Замуж за достойного жениха, но при этом такого, чтобы и люб был, по сердцу. Свадьбы играли на Красную горку веселые, с гармонью и балалайками. «Горько!» – кричали так, что стекла звенели.

И все были счастливы, жених с невестой, и гости, и сама Агафья Фотиевна – даже на радостях рюмку вишневой настойки себе позволяла, а потом ее об пол, вдребезги. Гулять так гулять...

Только последнее время счастья словно поубавилось: Исидор Иванович на беду стал прихварывать. Иной раз отойдет с солнцепека в тенечек, присядет, прислонится спиной к штабелю досок, возьмется за сердце, глаза закроет, словно прихватило его, а иной – и вовсе ляжет, неделю промается в постели, но, преодолевая немощь, вновь заставит себя подняться: нельзя оставить стройку без хозяйского глаза. К врачам обращался, но они, пощупав пульс, простучав грудь и спину, руками разводили, толком не ведали, от чего лечить. Загадка! И лишь Агафья Фотиевна мужу верный диагноз поставила: надорвался сердешный на непосильной работе, всего себя растратил, без остатка ей отдал.

А раз так, то долго ему не протянуть. Как ни горестно это признать, не жилец он на свете.

И едва только освятили нижний, Сергиев храм, Исидор Иванович и отошел ко Господу. Отпели его неподалеку, в Ильинской церкви, усердным прихожанином которой он был. Агафья Фотиевна поцеловала покойного в лоб, дети, утирая слезы, бросили на крышку гроба по горсти сырой, с ниточками травяных корешков земли. И похоронили Исидора Ивановича на церковном кладбище, под раскидистым, узловатым дубом, рядом с осевшими могилами предков. Поставили крест деревянный и высекли на мраморной плите его имя, дату рождения и смерти: сорок три года всего и пожил-то, даже чуб не успел поседеть.

Что ж, нового подрядчика теперь искать для храма? Нет, Агафья Фотиевна не позволит отдать дело в чужие руки. Сама завершит, как мужем завещано, перед смертью наказано. Да и не одна она: Феодосия Наумовна иногда чего мудрого подскажет, вразумит, да и дети помогут. Старшей Параскеве уже шестнадцать, девица разумная, хваткая, расторопная, все в руках горит. Сыночки же хотя и малы еще (младшему-то Прохору всего восемь), но тоже в помощники просятся, рвутся, поручений ждут. Поэтому на семейном совете так и решили: справятся, начатое не бросят, доведут до конца. А где самим силенок не хватит, там Царица Небесная поможет, заступится, подсобит...

В Прохоре угадывался некий особый дар, что-то нездешнее осеняло его...

– Ну что, одолеем? Как думаете? – Агафья Фотиевна обводит взглядом всех сидящих за столом и не смотрит лить на Феодосию Наумовну, словно ей этого вопроса можно не задавать: ответ и так известен.

Но дети не решаются ничего сказать, пока не заговорит бабушка.

– Что ж молчите? Носы повесили? Одолеем или нет?

– Должны... – произносит Параскева, но глаз не поднимает, словно отвечает за всех, а сама выделяться не хочет.

– А ты, Алексей?

– Справимся. – Он по-отцовски сдвигает к переносице брови.

– А ты, Прохор? Помогать будешь? – спрашивает Агафья Фотиевна и с такой любовью, нежностью и затаенной надеждой смотрит на сына, словно главное для нее, чтобы он просто был рядом с нею, и не нужно ей никакого ответа.

И все потекло, как при жизни Исидора Ивановича, словно он тут был, рядом. И голос его слышался, как будто он, живой, по-прежнему всем распоряжался. Агафье Фотиевне оставалось иногда лишь молча на что-то указать, поправить, поторопить или, наоборот, осадить самых ретивых и нетерпеливых, чтоб не зарывались, слишком не гнали, а так все катилось по проложенной колее. И, конечно, Царица Небесная им благоволила, Свой незримый покров над ними простирала. Да, над ними всеми, и особенно – над маленьким Прохором, словно чем-то он Ей угодил, Ее ублажил, к себе расположил.

Чем именно – гадать не приходилось. Другие дети на церковной службе утомляются, скучают, кукусятся, думают о брошенных играх и обещанных сладостях, Прохора же она никогда не тянула за руку в храм. Он сам в радостном нетерпении бежал впереди да ее торопил, оглядывался: «Скорее!» И ведь не на фокусников и скоморохов спешил, а боялся, что обедню пропустит, что начнут без него, а такого перенести не мог. Неутолимая жажда влекла его в храм – он словно пил, по жаре припав к лесному роднику, и не мог напиться. Все службы выстаивал неподвижно, не переминаясь с ноги на ногу и не глядя по сторонам. Весь был погружен в молитву – до самозабвения.

Откуда в нем это? Конечно, семья у них набожная, благочестивая, и ему многое передавалось – и от бабушки, и от отца, и от матери. Да и сестра Параскева с детских лет его вразумляла, о божественном, о церковном с ним толковала. Но только воспитанием, благотворным влиянием старших всего не объяснить. В Прохоре угадывается некий особый дар, что-то нездешнее осеняет его, и словно лучик небесный на него падает. Лучик, похожий на тот, что первым проскальзывает между грузных и рыхлых, с желтизной по краям туч после долгого осеннего ненастья, когда их медленно оттягивает ветром за горизонт. Хорошо тогда из-под козырька ладони озирать с холма окутанную мгlistым туманом равнину и светлеющее небо.

А дом Машинных – на холме, и Прохор любит подолгу, словно зачарованный смотреть вдаль... И падает на него лучик. Падает и будто указывает: этому назначено себя не пожалеть, Всевышнему послужить. А раз назначено – послужит.

Глава пятая. Детство Прохора в Курске: взгляд историка

Итак, мы набросали картину первых лет жизни преподобного Серафима, когда он еще был Прохором, младшим сыном курского купца Исидора Ивановича и его жены Агафьи Фотиевны Машинных. Набросали так, как представилось, как подсказало воображение, стараясь, чтобы картина получилась по возможности выпуклой, живой и цельной, с подробностями и деталями, отчасти вымышленными, отчасти заимствованными из исторических источников. Иными словами, позволили себе немного побыть романистом. Для чего, собственно (этот вопрос, наверное, стоит себе задать)?

Попробуем рассудить таким образом: была большая семья Машинных, мать, отец, бабушка, трое детей. Были радости, горести, размолвки, ссоры, примирения. Были запальчивые споры, душевные беседы, горячие исповеди. Было то, что и называется жизнью в ее медленном, плавном течении или бурливых всплесках, порожистых перекатах по плоским, замшелым, изумрудно-зеленым камням. И что же, все это бесследно исчезло? Кануло в небытие? Да, все – кроме нескольких точно установленных фактов и дат? Нет, этого позволить нельзя, надо сохранить, сберечь, но как? Проверенным, не нами придуманным способом.

Материя жизни со всеми ее запахами, ароматами, дурманом цветущих трав, парной влажностью от недавно отшумевшего теплого ливня, корешками, паутинками, дождевыми червями, гнездами каких-то личинок в комьях земли и сохраняется под пером романиста. Только ему доступно воссоздать сам воздух, которым дышали люди далекой эпохи, свивающийся кольцами табачный дым, скрип половиц, чей-то кашель, возгласы, шушуканье, смех. Воссоздать если и не везде так, как было, то, во всяком случае, так, как *могло бы быть*. И это тоже метод. Метод постижения истории в ее бытийственной полноте и целостности. Мы не отрубаем от нее отросток, а пересаживаем с корнями и почвой на этих корнях, не усохшую, а живую и цветущую.

Вот мы и попытались пересадить, тем более что последняя тайна души преподобного Серафима в ее молитвенной устремленности к Богу, наитие Святого Духа, близость ангелов, сладость видений небесных и дивный вкус ниспосылаемой ему райской пищи, которой он угощал окружающих, нам, грешным, увы, недоступны. А воссоздать обстановку, окружение, в котором воспитывался, а затем проходил свои первые послушания Прохор, рельефно выписать главные фигуры, найти штришок для второстепенных, слегка наметить фон – задача решаемая...

Теперь же прокомментируем и обобщим сказанное так, как это сделал бы уже не романист, а историк, для которого самое главное – именно даты и факты, взятые сами по себе. И хотя он тоже не чужд писательства, порою не прочь блеснуть красотой слога и живостью изложения, набросать сценку с диалогом, все же воображению воли не дает, в узде его держит. Вот и мы постараемся не слишком увлекаться, чтобы прихоти воображения далеко нас не увели...

Прежде всего, когда родился преподобный Серафим? Обсуждаются три даты его рождения: 1759-й, 1758-й и 1754-й годы. Первая из них, повсеместно встречавшаяся ранее (любая книга о преподобном с нее начиналась), ныне признается ошибочной, и с этим нельзя не согласиться. После праведной кончины великого старца сменилось поколение тех, кто ведал монастырской документацией, справлял бумаги, что называется. Новые же стряпчие монахи что-то спутали, упустили, недоглядели – вот и вкралась описка, ее вовремя не выловили, она превратилась в ошибку, и та пошла гулять по страницам составляемых ими реляций, прошений и отчетов.

Ну, а какая же из оставшихся дат верна? Судя по архивным данным, обнаруженным краеведом Валентином Степашкиным, – 1754 год (недаром 250-летие со дня рождения праздновалось в 2004-м году). Собственно, на этой дате настаивал еще митрополит Вениамин (Фед-

ченков), в начале тридцатых годов написавший книгу о преподобном Серафиме. Исповедные записи Ильинской церкви, к которой были приписаны Машнины, подсказали ему верную дату – вот из нее-то мы и исходим.

Да, Прохор Исидорович Машнин, будущий преподобный Серафим (а если с курским выговором – Серахвим) родился в 1754-м. Фамилию носил истинно купеческую, хотя уже Исидор Иванович писал себя не как Мошнина, а как Машнина, стараясь избежать навязчивого родства с набитой деньгами мошной, чтобы не по мошне о нем судили, а по душе: в ней истинное богатство. Тугая мошна же на Руси – не особая доблесть: это пусть иноземец мошной трясет. А Исидору Ивановичу тем более неудобно потому, что он богоугодным делом занимался, златоглавые храмы возводил – вот и подправил фамилию, чтобы мошна сквозь нее не шибко просвечивала.

Эту же фамилию и детям передал, хотя иной раз по привычке называли себя и Мошниками. Купцы же все-таки. Мошна она и есть мошна – чего ж стыдиться, если деньги в ней не мошенничеством (слово от того же корня), а честной торговлей нажиты! Жена же Исидора Ивановича в недавно обнаруженной Ревизской сказке так о себе написала: «Агафья, Фатеева дочь, старинного курского посадского Фатея Завозгряева дочь». Фамилия редкая, простая, но и с неким изыском: раз произнесешь, а затем повторишь, прислушаешься. Завозгряева!

Курск. У входа в Ильинскую церковь, где крестили Прохора Машнина

Таким образом, к 1762 году, когда умер отец Прохора Машнина, ему было восемь лет. Еще босоногим по двору бегал, пескарей удил, с плетеной корзиной ходил за грибами, горстями распахивал по карманам сорванные шишки лесных орехов. Так, что ли? Нет, хотя иные биографы любят подчеркнуть, что в детстве их выдающиеся герои ничем не отличались от своих сверстников. Прохор отличался. Он был из тех русских мальчиков, которых воспитывала церковь, а это особый тип, ныне почти исчезнувший. Наверное, и не найдешь сейчас таких русских мальчиков, а тогда – были. И Прохор – из их числа. Это не значит, что он полностью чужд детских игр и забав – нет, Прохора влекут и пескари, и грибы, и орехи, но не это определяет его душевный склад, характер и облик. Вот как возводят храм Машнины, так и строит себя Прохор – растет вместе с храмом, уподобляет себя ему, и его собственный храм – внутренний. И время его жизни – церковное, от сурового поста к празднику, от светлого Рождества к ликующей Пасхе, от Пасхи к Рождеству. И, как уже говорилось, лучик небесный осеняет его, когда с высокого холма он смотрит в даль, повитую синеватым степным туманом...

Дом Машинных, как и все купеческие дома, был большой, с хозяйскими службами, кладовыми и погребом, уставленными бочками, чанами и кувшинами, пропахшей навозом и лошадиным потом конюшней и скотным двором, аккуратно вскопанными, выполотыми, разбитыми на грядки огородами, пчельником и садом. Конечно же, с садом, куда уводила от заднего крыльца дорожка и где осенью со стуком падали на землю антоновские яблоки (отяжелевшие ветки подпирали рогатинами), вызревал до золотистой желтизны крыжовник, краснела малина, тянулись кусты черной и белой смородины.

И наверняка под сенью ветвей стоял дощатый столик, куда летними вечерами выносили самовар с высокой трубой и пили чай, по-купчески наливая из чашки в блюдце, усердно дуя, чтобы остудить, и отпивая маленькими глоточками.

- Матушка Феодосия Наумовна, вам покрепче?
 - Мне, как Исидору. Мы с ним одинаковый пьем.
 - А пряник медовый желаете? Сегодня куплены.
 - Ну, давай, раз сегодня. Подсластимся.
- Наверняка, наверняка...

Глава шестая. Незримые покровители

Как выглядел уездный город Курск того времени, раскинувшийся на крутом берегу реки Тускари? Ничего заранее спланированного, европейского, просторных проспектов да и, собственно, улиц в нынешнем смысле там не было. Вернее, была одна, называвшаяся Московской, мощенная булыжником, широкая, по ней с ветерком, заливающимся под дугой бубенчиком и прокатиться не худо – ну, если не улица, так дорога. Московская дорога – так она и называлась и шла прямо от Красной площади (раз Московская, то и площадь Красная). Остальные же – слободки, разделенные лугами с копенками сена, огородами с белеющей на грядках капустой, подернутыми ряской болотцами (головы лягушек торчат) и маленькими озерами, на берегах которых дымили кирпичные заводы, из кузниц доносился дробный лязг молотков и вылетали искры от раздуваемого горном пламени. Кому подкову прибить, кому лемех для плуга выковать: заказы не переводились...

Слободки же камнем не мостили. Поэтому как зарядят дожди, так и не пройдешь – сплошные лужи да грязь, жирная, пахучая, сочно чавкающая под ногами, непролазная.

Дома в слободах низенькие, большей частью деревянные (каменные стали строить после пожара 1781 года), одноэтажные или двухэтажные, и возвышаются над ними златоглавые церкви с колокольнями, истинная отрада для глаз, центры тамошней жизни. К ним-то слободские жители по любой грязи и распутице проберутся, поскольку там и крестят, и венчают, и отпевают, и исповедуют, и Святых Тайн причащают. И невесту себе там же присмотришь – вон у иконостаса в белом платке, на лоб надвинутым, со свечой, потупив взор, стоит. И о новостях узнаешь, и о выгодной сделке сговоришься:

- А не уступишь ли, кум, лесу?
- Как не уступить! Уступим! Сколько надо-ть?
- А хоть тот мысок, что к реке спускается.
- Бери.

Таких приходских церквей в Курске шестнадцать. В том числе – и Ильинская, где молились Машнины, а кроме нее Никольская на Торгу, Фроловская, Преображенская и прочие. Есть и монастыри: мужской в честь Коренной иконы «Знамения» Божией Матери (выходил на Красную площадь), а к северо-востоку от него на крутом берегу реки Тускари – женский Троицкий (Прохор в них, конечно, бывал).

Жителей в Курске не так уж много – тысяч восемь, небольшой народец: если не в лицо, то понаслышке друг о друге знали. Все потомки посадских, стрельцов, удалых казаков, пушкарей, лихих ямщиков и степенного духовенства, когда-то поселившихся в городе. По сословиям делятся так: половина – купцы и мещане, затем идут однодворцы (ремесленники и огородники), служилые разных категорий, немного крестьян, а уж дворянского звания совсем мало, не более трехсот. И не скажешь, что живут на широкую ногу, сорят деньгами, дают балы и проматывают состояния. Нет, дворянскую усадьбу подчас и не отличишь от купеческого дома – даже не богатого, а со средним достатком, и быт в ней самый скромный, утесненность, запущенность, бедноватая обстановка и скудная трапеза.

Словом, как на картине, – завтрак аристократа...

Где купцы, там и торговля. Вот ею-то жители в основном и промышляют, по лавкам сидят, подперев кулаком подбородок покупателей ждут, зевают и мух считают (со счета сбившись, начинают сызнова). Но есть и купцы с размахом – такие, что и до самого Китая доберутся со своим товаром, а уж Европа, Сибирь, Нижний Новгород, Киев, Петербург и Москва для них – обжитые вотчины. В 1780-х годах, когда Прохора Машнина уже не было в Курске, знаменитый курский гражданин, винный откупщик Иван Илларионович Голиков вместе со своим родственником Григорием Ивановичем Шелиховым добрался до Охотска и основал

там первую в России промышленную компанию на паях. Стал осваивать, прибирать к рукам Аляску и Северную Калифорнию, создавать там русские поселения, избы рубить и крепких мужичков-добытчиков сажать.

По купеческому разряду числятся те, кто имеют капитала 500 рублей и выше; если ниже – запишут в мещане. Значит, у Исидора Ивановича капиталец был, деньги в мошне водились. Правда, архивистами предпринималась попытка оспорить принадлежность Машинных к купечеству, но в беседе с Николаем Александровичем Мотовиловым о целях христианской жизни преподобный Серафим о себе молвил: «Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает». Сказано совершенно ясно и определенно, и это признание самого преподобного гораздо достовернее любых архивных свидетельств, допускающих самые разные истолкования, подчас спорных и противоречивых.

Сергиево-Казанский собор и поныне краса и гордость Курска, с восьмискатным куполом, синяя глава, усыпанная золотыми звездами, на четырехсветном фонаре. Словом, такой, каким мы его и описали в предыдущих главах: залюбуешься, глаз не оторвешь. Дом же Машинных – это доподлинно известно – находился рядом, на Сергиевой улице (улицы появились при позднейшей перепланировке), но Сергиевых-то было три, вот и возникает вопрос, с какой стороны дом примыкал к храму. Усилиями краеведов место это, кажется, обнаружено: «... двор Машинных северо-западным углом упирался в грань юго-восточного угла ограды собора. Теперь это двор дома № 13 по улице Жданова. Здесь родился преподобный Серафим, здесь и жил двадцать лет до ухода в Саровскую обитель». Так пишут протоиерей Лев Лебедев и Н. Ларин в очерке «Загадка одного портрета». Если они правы, можно вздохнуть с облегчением: найдено... найдено место, осененное присутствием преподобного Серафима. «Здесь родился... и жил двадцать лет». Авторы очерка исходят из даты рождения – 1758 год, по нашему же получается, что не двадцать, а двадцать четыре года.

Двадцать четыре года на этом месте, место соединено со временем. Ах, как это волнует, трогает, будоражит, сколько вызывает самых разных мыслей, непередаваемых ощущений!..

И Сергиево-Казанский собор он видел таким, каким его сейчас видим мы, поскольку дождался до завершения строительства и только потом ушел в Саров. И дали с холма ему открывались те же: «С высоты большого холма, на склоне которого стоял отчий дом преподобного, и сейчас открываются прекрасные дали. Равнины, напоминающие безбрежный морской простор, где-то на востоке переходят в степь, простирающуюся до Монголии. Этот холм, огражденный в древности крепостной стеной, в XVII веке не раз встречал войска поляков и крымских татар (последний набег был в июле 1709 года), однако никто не смог захватить Курск. Здесь граница коренной Руси, один из ее боевых форпостов...»

Здесь, на границе коренной Руси, при слиянии рек Куры и Тускари, возводится крепость, мощное оборонительное сооружение, градостроительный центр Курска. И здесь же рождается преподобный Серафим, крепость духовная, один из столпов православия. Как это символично! Как промыслительно!

И не только это, но и многое другое заставляет задуматься о знаках Божьего промысла, какими отмечено детство Прохора. В названии храма, возведенного Машинными, сочетались два имени: преподобного Сергия и иконы Пресвятой Богородицы – оттого он Сергиево-Казанский. Два имени – две путеводные звезды, горевшие на духовном небосклоне Прохора. Двенадцать раз являлась ему Богородица, исцеляя, наставляя, утешая, возвещая Свою волю. Ее он славил и пел. Ей благоговейно поклонялся и Ее именем творил молитву. Да, как всякий православный, как многие, как все, но и сверх того – как он лично, единственный, может быть, избранный. Финифтяный же образ Сергия завещал положить с ним в гроб, что тоже знаменательно. И Сергей, и Богородица с детства рядом – в буквальном смысле рядом с домом, рядом с ним, Прохором, ведь двор Машинных северо-западным углом упирается в юго-восточный

угол храма. И Илья, огненный пророк Божий, взирает на Прохора с иконы приходской церкви. Вот оно, окружение, вот они, незримые покровители: поистине взяли за руки и повели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.